

Христианская сказка

Новые известия — 2002 — 2 апр. — с. 7.

2 апреля, в день рождения Ханса Христиана Андерсена, отмечается Международный день детской книги

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

В 1840 году, тридцати пяти лет от роду, он окончательно решил стать сказочником, и все последующие 35 лет жизни были отданы безнадежной любви к певичке и сказкам.

Советские дети познакомились с кастрированным Андерсеном. Он был глубоко верующим католиком, но как ни старалась советская цензура, ей не удалось полностью отсечь христианский смысл его сказок.

Голый король и дитя, говорящее об этом вслух, прямое обращение к Евангелию, где сказано: «Если не будете, как дети, не войдете в Царствие Небесное».

Гадкий Утенок, преследуемый и гонимый всеми на земле, выглядит Прекрасным Лебедем в Царствии Небесном, но «Царство Божие внутри Вас».

Принцесса на горошине — тонкая душа человеческая, которой все больно в земном настоящем мире.

Тень, взявшая власть над своим хозяином, — тело, поработившее бессмертную душу.

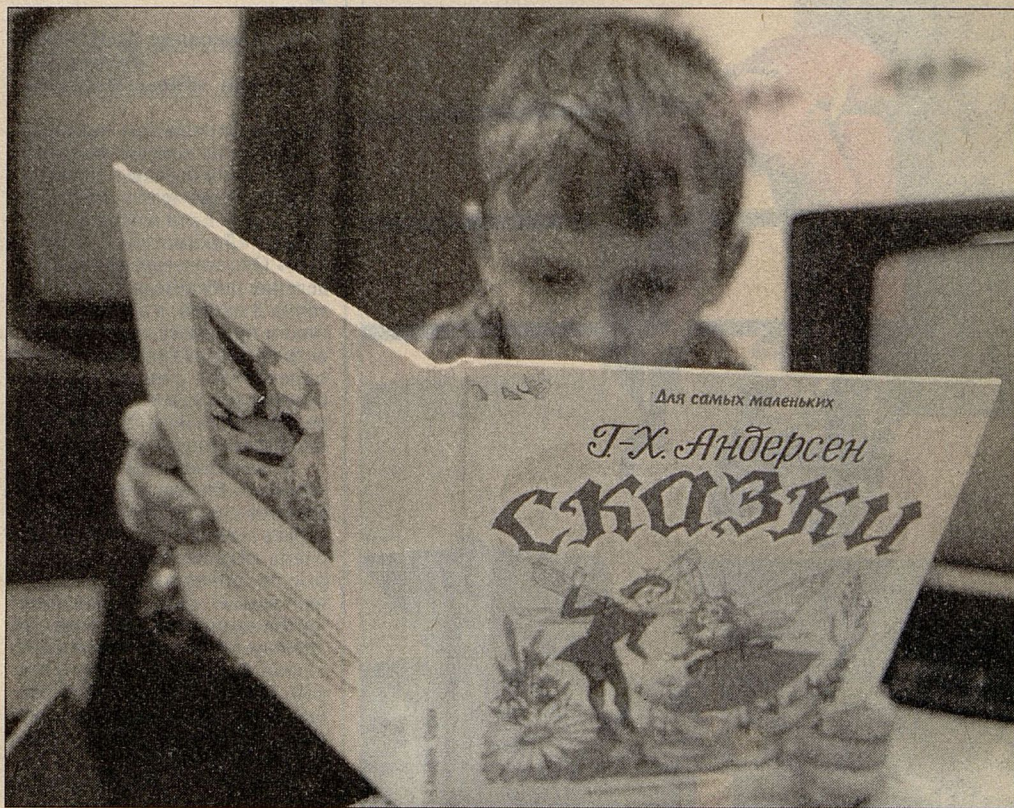
Дюймовочка в темном царстве слепых кротов — это опять же душа человека в грубом телесном мире.

Без этого подтекста Андерсен хотя и гениален, но далек от самого себя. Советские издатели отделили душу от тела, познакомили нас не с Андерсеном, а с его бледной тенью.

К чему стремилась его мятушная душа? К любви, конечно, но ее он не получил в этой жизни, зато с избытком получает ее сейчас в другой. Ею Андерсен никогда обделен не будет. Ныне редкий фоллиант его книги, изданной в трех экземплярах, стоит 4 миллиона долларов, и датчане готовы этот том выкупить.

Он дожил до семидесяти лет, но внимательный читатель заметит, что Андерсен умирал в каждой сказке. Плавился в огне, как оловянный солдатик, или уносился на крыльях ласточки в небеса.

Его друг погиб во время пожара, и Андерсен всю жизнь возил в путешествии веревочную лестницу. В девятнадцатом веке это была надежная гарантия от гибели в пла-

мени. Если вспомнить смерть стойкого оловянного солдатика в огне, можно понять, сколь реален для Андерсена-католика ответ адского пламени.

Он один из немногих, кто по-настоящему верил, ибо тот, кто верит в адские муки, несомненно видит свет Рая. Рай Андерсена выстрадан в постоянной земной печали, никто не помнит его смеющимся или просто веселым. «Христос не смеялся», — свидетельствует апостол.

Такой Андерсен непонятен сегодняшнему читателю, привыкшему к тому, что его тайно или явно смешат. Однако ирония Андерсена сродни иронии Христа. Она в затаенной усмешке, в описании кропотливого подсчета зернышек кротом, который хочет жениться на Дюймовочке. Да зернышек жалко, а, с другой стороны, она такая маленькая, ей хва-

тит и полтора зернышка на весь день.

Сказка о злом Кае, несомненно потомке Каина, и о девочке Герде — это опять же диалог пламенной души и ледяной плоти. «Но ты не холоден — не горяч, о, если бы ты был холоден или горяч», — восклицает апостол. А вот Снежная Королева — это не библейский образ. Она из холодного ада северо-европейской Валгаллы. Как угадал Андерсен грядущее искушение, когда в Третьем рейхе начнут выращивать «истинных германцев» — холодных сынов Вотана. Кай так и не научился складывать из льда слово «вечность». Герда помешала, растопила своими слезами сердечный лед.

Возможно еще, что Снежная Королева — это та певичка, которую Андерсен так и не отогрел. А может быть, любовь двух детей Кая и Герды — это воспоминание о за-

претной для католика и пламенной детской любви взрослых. Снежный мир разлучил влюбленных детей, но это уже другая тема. Уместно вспомнить Гамлета, принца Датского. Он ведь тоже, мягко говоря, холодноват в страстной любви к Офелии. Может, заledenевший Кай, вечный холостяк Андерсен и принц хранят какую-то свою северную ледяную датскую тайну. Ведь самое страшное для Андерсена — это опять же огонь. Тут уже само собой напрашивается лермонтовское «из пламя и света рожденное слово» и пушкинское «стихи и проза, лед и пламень». Лед и пламень — это про Андерсена. Он и холоден, и горяч — то самое, что желал апостол видеть в истинном последователе Христа. А что тут удивительного, ведь Дания называлась Христианией, а имя Андерсена — Ханс Христиан.